

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т., Зябликов А.В., Максименко А.А. — Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества // Социодинамика. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.44184 EDN: LTUJHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44184

Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества

Зайцев Александр Владимирович

ORCID: 0000-0003-4977-8828

кандидат философских наук, доктор политических наук

профессор, Костромской государственной университет

156005, Россия, Костромская область, г. Кострома, ул. Овражная, 20/23

✉ aleksandr-kostroma@mail.ru**Ахунзянова Фарида Тагировна**

ORCID: 0000-0002-4610-5241

кандидат культурологии

доцент, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций; Костромской государственной университет

156005, Россия, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, оф. 315

✉ farida.ahunzyano@mail.ru**Зябликов Алексей Вячеславович**

ORCID: 0000-0003-2054-0066

доктор исторических наук

профессор; кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций; Костромской государственной университет

156005, Россия, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, оф. 315

✉ a.zyablikov@yandex.ru**Максименко Александр Александрович**

ORCID: 0000-0003-0891-4950

доктор социологических наук, кандидат психологических наук

главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101100, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Мясницкая, 20, оф. 407

✉ Maximenko.Al@gmail.com

[Статья из рубрики "Политические коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.10.44184

EDN:

LTUJHO

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2023

Аннотация: Предметом осмысления в данной статье являются современные инновационные тренды, происходящие в контексте коммуникации органов российской государственной и муниципальной власти и гражданского общества. Суть этой трансформации, происходящей в условиях цифрового информационного общества, заключается в поступательной реконфигурации «традиционной» публичной сферы в цифровую публичную сферу, гражданского общества в цифровое гражданское общество, привычного офлайн-диалога между властью и обществом в цифровой онлайн-диалог. К сожалению, многие из этих изменений вплоть до настоящего времени остаются до конца не изученным и мало исследованным аспектом инфо-коммуникативной реальности. Главной целью является выяснение онтологических оснований как цифровой трансформации публичной сферы, так и реконфигурации дискурсивных практик из офлайн-диалоговых форматов коммуникации в цифровизированный онлайн-диалог власти и общества. Основные методы, которые были использованы авторами при написании статьи, – это системный подход, структурно-функциональный метод и дискурсивный анализ. Результатом проделанной работы является вывод о том, что оцифровка средств массовой информации, бурное развитие интернет-коммуникаций и цифрового информационного общества в конце XX – начале XXI веков позволили публичной сфере вступить в процесс цифровой трансформации. Новизна работы состоит в том, что в ней конкретизируется инфокоммуникативный тренд, направленный ко все большему доминированию в публичной сфере цифровых онлайн-коммуникаций в формате интересубъективного взаимодействия власти и общества.

Ключевые слова:

цифровая публичная сфера, государство, общество, диалог, коммуникация, дискурс, институционализация, публичная политика, цифровизация, Хабермас

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № F-ZEW-2023-0007.

The publication was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project NoF-ZEW-2023-0007.

Ведение. Буржуазная публичная сфера, когда-то описанная в трудах немецкого политического философа Юргена Хабермаса [\[16\]](#),[\[17\]](#),[\[18\]](#), в настоящее время подвергается очередной трансформации, только на этот раз в цифровом формате. Данное обстоятельство неразрывно связано с происходящим социо-технологическим переходом практически всех сторон жизни современного общества к инновационным цифровым, наукоемким, прорывным интеллектуальным технологиям, автоматизированным

системам, новым материалам и способам конструирования, созданию механизмов переработки огромных объемов цифровых данных, роботизации производства и искусственного интеллекта. Поэтому ранее доминировавший в сфере коммуникации офлайн-диалог подвергается глубокой модернизации, институционализируясь в контексте диджитальной публичной сферы в формате цифрового онлайн-диалога таких ведущих акторов публичной политики современной России, как государство и гражданское общество.

Главную цель написания данной работы ее авторы видят в выявлении новых информационно-коммуникативных технологий и методов, используемых в современной цифровой публичной сфере, пришедшей на смену уходящей в прошлое публичной сфере, описанной Ю. Хабермасом, где, с его точки зрения, преобладало бы (или должно было доминировать) основанное на разуме и этике дискурса симметричное сотрудничество субъектов общественно-политической коммуникации в офлайн-диалогическом формате. В настоящее же время происходит смена прежней парадигмы интересубъективного взаимодействия и переход к доминирующему цифровому онлайн-диалогу. Выдвигаемая нами гипотеза заключается в трансформационных процессах идущих, если так можно выразиться, в плоскости трансформации «аналоговой» модели публичной сферы в цифровую публичную сферу современного диджитализированного информационного социума. В связи с этим решение выше указанной задачи и проверка выдвигаемой нами гипотезы приобретают не только теоретическую, но и, на наш взгляд, особо актуальную в современной геополитической ситуации праксеологически-прикладную значимость.

Обзор. В соответствии со ставшей уже классической хабермасианской концепцией публичная сфера позиционируется как транспарентное пространство для рациональной дискуссии, базирующееся на открытости, симметричности и дискурсивном равенстве субъектов социально-политической коммуникации. Дело в том, что именно в публичной сфере в ходе открытого диалога вырабатывается то, что принято называть «общественным мнением» [\[11, с. 126\]](#). Публичная сфера жизни общества всегда выступала в качестве ведущей субстанции информационно-коммуникативного пространства, где институты и организации гражданского общества вступали в интересубъективный инклюзивный диалог с властью по предельно широкому кругу самых разнообразных проблем и вопросов [\[6, с. 204-205\]](#). Еще до возникновения современных цифровых средств массовой коммуникации (в соответствии с точкой зрения Ю. Хабермаса) в сфере публичного дискурса шел поступательный процесс возрастания объемов производства и циркуляции социально и политически значимой информации.

Дальнейшее – постхабермасианское – расширение области дискурса власти и общества в контексте публичной сферы было связано с появлением электронных средств массовой информации в XX столетии. Оцифровка средств массовой информации, бурное развитие интернет-коммуникаций и информационного цифрового общества в конце XX-начале XXI веков побудили публичную сферу глобального мирового социума в очередной раз вступить в новый этап своей трансформации, но уже в принципиально новом ракурсе, построенном на основе цифрового гражданского общества, цифрового государства, цифровых медиа и адекватной им цифровой публичной сферы. На современном этапе эволюции публичной сферы прежний офлайн-диалог власти (государства) и гражданского общества постепенно замещается онлайн-диалогом между этими ведущими акторами публичной политики [\[4, с. 80-81\]](#). Такой диалог, опосредованный цифровыми медиа-коммуникациями, приобретает большую праксеологическую значимость

и общественно-политическую актуальность, смещаясь в дискурсивное пространство цифровой публичной сферы и цифровой публичной политики [\[5, с. 204-205\]](#)

По мнению ряда авторов, концепция публичной сферы Ю. Хабермаса под воздействием цифровизации всех сторон бытия постепенно превращается в инновационную теоретико-методологическую модель цифрового intersubjectivного взаимодействия власти и общества [\[7\], \[9\]](#), что придает особое значение интенции к реконфигурации и обновленной траектории институционализации интерактивного онлайн-диалога государства и гражданского общества в медиатизированной цифровой публичной сфере современной России. Исследованием данной проблемы занимается целый ряд авторитетных зарубежных ученых [\[21\], \[22\], \[23\], \[24\]](#). Среди российских исследователей процесса трансформации цифровой публичной сферы можно назвать О. В. Кузьменко [\[8\]](#), Ю. В. Казакова [\[7\]](#), А. А. Никитинскую [\[11\]](#), А. В. Соколова [\[14\], \[15\]](#) и др. авторов

Основная часть. В контексте цифровой публичной сферы находят воплощение как процессы сотрудничества между органами и структурами государственной власти и организациями гражданского общества, так и проявления конфликтных взаимодействий между ними. Данное обстоятельство связано как с фрагментацией традиционной публичной сферы, так и с ее плюрализацией, в том числе с превращением некогда единой публичной сферы во множество параллельно и одновременно сосуществующих локальных (сетевых) публичных сфер, отличающихся друг от друга по доминирующим в них нарративам и интенциональной направленности дискурса. Характерно, что подобные «цифровые публичные сферы демонстрируют целый ряд коммуникативных стилей» и «они далеко не всегда соответствуют идеям рациональности и вежливости, как это отстаивается в дискурсивной теории Хабермаса» [\[19, с. 190\]](#).

Описываемая проблема настоятельно требует от современной политической науки, а также от социологии и философии не только разработки адекватных времени теоретико-методологических основ управления цифровой публичной политикой, цифровой коммуникацией власти и общества, но и решения целого комплекса практических и прикладных задач. Наиболее приоритетными среди них следует полагать разработку и институционализацию технологий управления цифровым intersubjectivным взаимодействием между властью и социумом, государством и гражданским обществом. Цифровая публичная сфера в данном контексте рассматривается как область онлайн-общения, участие в котором открыто и свободно доступно для всех, кто заинтересован в обсуждении вопросов, представляющих общий (публичный) интерес [\[19, с. 181\]](#).

Между тем, в условиях становления и развития глобального цифрового информационного общества все большую и большую значимость приобретают каналы, механизмы и формы коммуникации власти и общества. Многие из них в условиях массовой цифровизации всех сфер общественного бытия приобретают новые, ранее неизвестные качества, свойства, черты, способы функционирования, производства и распространения контента. В повседневную жизнь людей входят гаджеты, коммуникаторы, высокоскоростные интернет-услуги, а вместе с ними новые каналы и средства коммуникации, цифровые масс-медиа, платформы, форумы, порталы, терминалы, социальные сети, инновационные маршруты отправления, транслирования, способы кодирования и декодирования, доставки и получения информации, формы и разновидности приватного и инклюзивного общения, хранения и получения контента, хостинги, сервисы, подкасты, стриминги и т.д. и т.п. Так, к примеру, среди наиболее

известных российских диалоговых платформ можно выделить такие порталы, как «Госуслуги» и «Российская общественная инициатива», интернет-площадки «Change.org» и «Активный гражданин» и др.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 86% россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно. Регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров с коммуникационным функционалом (ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, Одноклассники и пр.) в среднем тратят на них 272 минуты или 4,5 часа в день. При этом наибольшей популярностью пользуется социальная сеть ВКонтакте [31]. Именно поэтому многие лидеры общественного мнения, политики федерального, регионального и муниципального уровня, депутаты, представители исполнительной власти, руководители субъектов федерации, министерств и ведомств заводят собственные странички в социальных сетях, в том числе и в наиболее популярных из них – во ВКонтакте. В соответствии с этими новыми веяниями губернатор Костромской области С.К. Ситников тоже открыл свои аккаунты и паблики в этих соцсетях. В том числе во ВКонтакте (https://vk.com/sk_sitnikov), в Telegram (https://t.me/s/sk_sitnikov) и в Одноклассниках (<https://ok.ru/sksitnikov>). При этом все странички в этих соцсетях ведет либо сам С.К. Ситников (как это указано на его официальных пабликах), либо, «по просьбе», его официальные помощники.

Даже беглый анализ размещенного на этих губернаторских страничках контекста свидетельствует, что все три вышеуказанные аккаунта С.К. Ситникова носят сугубо имиджевый характер, освещая, как и официальные масс-медиа, исключительно круг его официально-деловой и профессиональной сферы деятельности. На какой-либо открытый и прямой диалог с населением они не нацелены, вместо общения с населением губернатор и его команда предпочитают привычный монолог, опосредованный цифровым форматом односторонней коммуникации субъект-объектного типа. То есть, являются по сути дела, все той же пропагандой. Размещенной в публичной цифровой сфере социальных сетей, субстанционально предназначенных не для властного агитационно-пропагандистского монолога, а для субъект-субъектных форматов живого интерактивного общения и взаимодействия.

На страничках губернатора Костромской области во ВКонтакте и в Telegram посетители не только не могут оставить свои комментарии или обменяться мнениями по поводу размещенного там контента, но и задать какой-либо вопрос высшему должностному лицу региона и, соответственно, получить на него ответ. А на губернаторской страничке в соцсети Одноклассники предусмотрен специальный заградительный фильтр: для того чтобы туда только войти, необходима специальная дополнительная регистрация. К тому же сам С.К. Ситников, по всей видимости, потерял всякий интерес к формально заведенным аккаунтам в соцсетях, которые давно администрируют его «помощники»; сам же он там присутствует лишь номинально, не вступая в онлайн-коммуникацию с посетителями его страничек ни в одной из трех выше названных социальных сетей.

Вполне заслуженно наиболее популярной среди населения РФ является такая официальная диалоговая платформа, как «Госуслуги». В отличие от социальных сетей, где коммуникацию общества и власти можно назвать факультативной, данная платформа обладает официально закрепленным юридическим статусом, а ее протокол придает этому взаимодействию вполне институциональный характер. Поэтому прежнее онлайн-общение с населением со стороны глав регионов и других должностных лиц государственной и муниципальной власти в субъектах РФ на платформе Госуслуг

качественно отличается от произвольного дискурса на негосударственных платформах. Тем более после того как было принято официальное решение о дальнейшем развитии и совершенствовании специальной платформы, созданного во время борьбы с COVID-19 в рамках портала «Госуслуги» под названием Платформа обратной связи (ПОС).

В настоящее время Платформа обратной связи реализуется в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика». Среди его приоритетных задач осуществление реального функционирования механизма обратной связи, предусматривающего возможность прямой апелляции граждан к власти с волнующими их вопросами и гарантирующий, в строго отведенные сроки, получение надлежащего ответа. Причем данный сервис (ПОС) функционирует не на общефедеральном уровне, а в каждом субъекта РФ и, в перспективе, муниципальном образовании.

ПОС представляет собой единое окно цифровой обратной связи (диалога). Этот механизм взаимодействия власти и общества предоставляет обществу практическую возможность принимать и обрабатывать сообщения через единый портал Госуслуг, а затем направлять их в уполномоченные структуры и подразделения власти. Отправлять сообщения в ПОС можно через специальные формы на портале «Госуслуг», в мобильных приложениях «Госуслуги. Решаем вместе», через виджеты ПОС на сайтах и на официальных страницах в социальных сетях глав соответствующих органов государственной и муниципальной власти. Платформа обратной связи обеспечивает единый стандарт подачи обращений граждан в органы власти, анализ и контроль входящих обращений, сроков рассмотрения и исполнения, степени удовлетворенности полученным ответом и качеством разрешения поднятой проблемы.

Не смотря на относительно небольшой срок, прошедший с начала системного функционирования Платформ обратной связи, 2 сентября 2022 года Министерством цифрового развития России была утверждена методика определения рейтинга регионов по работе на Платформе обратной связи. А уже 20 октября 2022 года Минцифры опубликовало первый рейтинг регионов по внедрению Платформы обратной связи за девять месяцев ее функционирования ^[12]. В данном рейтинге Костромская область заняла 37 место из 48 субъектов РФ участвовавших во внедрении этого цифрового механизма обратной связи (См.: Таблицу № 1). Регионы участники ПОС оценивались по 23 различным показателям. Так, к примеру, оценивалась динамика внедрения в повседневную практику различных технологий и механизмов платформ обратной связи, оперативность и качество разрешения бытовых и социально значимых проблем, волнующих граждан, уровень их удовлетворённости реакцией со стороны власти. Также организаторами рейтинга учитывались такие показатели, как организация публичных (общественных) слушаний, общественных голосований с использованием этих диалоговых платформ, осуществление проектов, за которые он-лайн голосовало население соответствующих территорий и проч.

А вот как выглядят показатели ближайших соседей Костромской области по Центральному федеральному округу:

Таблица №1.

Субъект РФ	Место в рейтинге	Количество баллов
Нижегородская область	15	330
Кировская область	17	315

Территориальная единица	Рейтинг	Сумма
Владимирская область	18	305
Ивановская область	25	260
Вологодская область	33	205
Ярославская область	35	190
Костромская область	37	180

Если данный рейтинг отразил положение дел с обратной связью за период с 1 сентября 2022 года по 30 сентября 2022 года, то следующий зафиксировал состояние в интервале с 1 января 2023 по 31 марта 2023 года. В этом, обновленном рейтинге, Костромская область переместилась на 38 позицию, уступив прежнюю Чеченской Республике [\[13\]](#). Таким образом можно сделать вывод, что, если судить по показателям Платформы обратной связи цифрового портала «Госуслуги», то Костромская область является явным аутсайдером в организации цифрового диалога власти и общества среди смежных с ней территорий Центрального федерального округа. Да и сам глава региона на своих страничках в социальных сетях тоже, как это уже было отмечено выше, явно не расположен к онлайн-диалоговым форматам взаимодействия с населением области.

Тем не менее, в Костромской области в апреле 2020 года открылось территориально обособленное структурное подразделение под названием «Центр управления регионом» (ЦУР), в задачи которого входит формирование достоверной картины и спектра проблем, которые интересуют жителей региона. Так, по сообщению ЦУР Костромской области только за первое полугодие 2022 года населением региона было направлено через Госуслуги более 4700 сообщений. И количество подобных обращений постоянно растет, что свидетельствует о запросе на диалог с властью со стороны регионального гражданского общества и отдельных его членов и представителей.

На своих аккаунтах в социальных сетях ЦУР Костромской области (Вконтакте, Telegram, Одноклассники) осуществляется определенное функционирование механизмов обратной связи между региональными органами власти и населением, собираются данные о вопросах, волнующих граждан, то есть протекает диалог власти и общества. К примеру, одной из наиболее острых проблем, которая регулярно обсуждается на страницах в соцсетях «Центра управления регионом», стала проблема размещения полигона для переработки твердых бытовых отходов в Костромской области. Вопреки намерению власти по строительству этого полигона на территории Сандогорского сельского поселения Костромского муниципального района, представители общественности энергично и аргументированно выступают против этого проекта, вступая в диалог не только с властями местного и регионального уровней, но и апеллируют к федеральным властям.

В частности, в социальных сетях опубликовано уже повторное видеообращение жителей Сандогорского поселения к руководству Следственного Комитета РФ, сообщающее об их категорическом несогласии с планируемым строительством полигона твердых бытовых отходов. Представители общества обращают внимание на многочисленные нарушения, допущенные, по их мнению, на этапе публичных слушаний и инженерно-геологических изысканий, что может привести к ухудшению экологической обстановки. На этом основании председатель СК РФ А. Т. Бастрыкин дал поручение провести доследственную проверку по данным сигналам и дать правовую оценку соответствующим действиям региональной и муниципальной властям Костромской области по факту организации строительства полигона твердых бытовых отходов.

Благодаря подобным коммуникациям на основе цифровых механизмов обратной связи происходят существенные трансформационные сдвиги и изменения как в структуре, так и

в инфраструктуре социальных, в том числе и политических, коммуникаций в формате диалога между органами и структурами власти, с одной стороны, и гражданами, институтами гражданского общества, с другой. Процесс массовой цифровизации затрагивает эту важнейшую сферу инфо-коммуникативного взаимодействия и обмена информацией между управляющим и управляемыми сегментами политической подсистемы общества. Это, в свою очередь, неразрывно связано с модернизацией и социо-технологическим переходом практически всех сторон жизни современного общества к наукоемким, прорывным интеллектуальным технологиям. Ранее доминировавший в сфере коммуникации власти и общества офлайн-диалог подвергается глубокой цифровой реконфигурации, институционализируясь в ведущих нарративах современной публичной политики в диалогическом формате онлайн-диалога и цифровых интеракциях субъектов и акторов цифрового публичного дискурса.

Здесь необходимо уточнить, что под диалогом власти и общества – как «традиционным», так и цифровым – мы подразумеваем прежде всего их intersubъективное коммуникативное взаимодействие, посредством которого происходит обмен и распространение социально и политически значимой информации. Диалог – это коммуникация между двумя (или более) субъектами. Его акторами (участниками, коммуникантами, субъектами) выступают, с одной стороны, представители тех или иных органов и структур власти (федеральной, региональной или муниципальной). С другой стороны, в таком intersubъективном диалоге участвуют отдельные граждане либо добровольные объединения граждан, то есть организации и институты гражданского общества. При этом очень важно, чтобы власть использовала в своей практической деятельности «информацию, поступающую из каналов и механизмов политической обратной связи», возникающей в процессе взаимного обмена информацией между государством, с одной стороны, и отдельными гражданами или какими-либо организациями гражданского общества [\[2, с. 93\]](#).

Если в условиях «доцифрового информационного общества» это intersubъективное общение и обоюдный обмен информацией протекали, по преимуществу, непосредственно «лицом к лицу» («face to face»), вербально, то по мере цифровизации каналов, способов, механизмов и средств коммуникации данная интеракция (диалог) стала приобретать все более пространственно опосредованный, дистантный характер. Иными словами, офлайн-диалог, существовавший еще со времен древнегреческой агоры или новгородского веча, стал подвергаться все более нарастающей цифровой трансформации и превращению в онлайн-диалог «здесь и сейчас». Географически отделенные друг от друга большими расстояниями, акторы такой коммуникации виртуально находятся в общем для них цифровом публичном пространстве и имеют возможность общаться, преодолевая разделяющие их расстояния, так, как будто бы все они независимо от их количества находились бы рядом друг с другом в одном и том же публичном месте.

Оцифровка средств массовой информации, бурное развитие интернет-коммуникаций и информационного общества в конце XX–начале XXI веков позволили публичной сфере в очередной раз вступить в процесс длительной трансформации (но уже в принципиально новой социокультурной среде, нежели в хабермасианской модели трансформации публичной сферы), построенной на базе социальных сетей, цифрового гражданского общества и цифровой демократии. Цифровой онлайн-диалог осуществляется посредством intersubъективного взаимодействия власти и общества на специально созданных для такой коммуникации цифровых платформах, форумах, порталах, площадках, в социальных сетях или на сайтах органов власти и муниципального управления.

Заключение. Институционализация цифровой делиберации органов государственной и муниципальной власти и организаций гражданского общества формирует необходимые предпосылки «для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления» [14, с. 690]. Главное отличие такого онлайн-диалога от офлайн-модели двусторонней коммуникации власти и общества заключается в существенном сокращении материальных и временных затрат на организацию и проведение коммуникации в таком формате, а также в вовлечении в этот дискурсивный процесс гораздо большего количества субъектов делиберации, нежели это было бы возможно в условиях аналогового офлайн-диалога. Благодаря этому, решения, принимаемые на основе коллективного обсуждения тех или иных острых и злободневных проблем, обретают в глазах общества гораздо большую легитимность, нежели чем это было бы в условиях значительно меньшего и узкого круга участников «традиционной» делиберации «face to face».

Таким образом, завершая наш экскурс в цифровую публичную сферу, мы можем констатировать, что происходящие здесь изменения представляют собой принципиально иной, нежели прежде, этап трансформации публичной сферы. Естественно, что Ю. Хабермас, создавая нормативную теорию публичной сферы, о дальнейшей ее эволюции много просто не мог знать [6]. Тем более что, по свидетельству многочисленных оппонентов и критиков, он ее идеализировал, рассматривая вне контекста реального политического процесса и наивно полагаясь на силу разума и морально-нравственных ограничений не только в сфере публичной политики, но и реального политического дискурса в контексте не воображаемой, а конкретной публичной сферы. Да и научно-технический прогресс, коренным образом изменивший инфраструктуру и структуру публичных коммуникаций, был просто немыслим в то время, когда Ю. Хабермас создавал свою теорию раннебуржуазной публичной сферы. Траектория ее дальнейшей коэволюции оказалась самым теснейшим образом переплетена не с прогрессом морально-нравственных и когнитивных качеств глоболизирующегося социума, а с внедрением в сферу социальных коммуникаций инженерно-технологических инноваций и научно-технического прогресса.

Следует констатировать, что в условиях институционализации цифрового информационного общества хабермасианская концепция публичной сферы не в полной мере адекватна теоретико-методологическим и праксиологическим задачам сегодняшнего дня, а потому, для большей релевантности современным реалиям, она должна быть дополнена другими альтернативными версиями публичной сферы. К таким авторам, в частности, можно отнести Х. Аренд с ее анализом и интерпретацией античной агонистической публичной сферой [11], К. Шмидта, мыслителя консервативного толка, изучавшего состязательный и воинственный характер парламентской публичной сферы [20] или Ш. Муфф, сфокусировавшей свое внимание на агонистической демократии и присущей ей агональной публичной сфере [10]. В их интерпретациях этих и других авторов публичная сфера, в отличие от позиции Ю. Хабермаса, рассматривается не только как гармоничное взаимодействие, сотрудничество, толерантность или консенсуальность субъектов публичной политики, но и как состязательность, противоборство, конкуренция в борьбе за власть и влияние с использованием того, что в современной политологии получило название риторики ненависти, различных технологий, методов ведения информационной войны, информационно-коммуникативного противоборства.

Использование этих и других технологий, не отменяет публичную сферу, а придает ей новую, цифровую, конфигурацию, требуя в процессе управления политическим дискурсом разработки современных инфо-коммуникативных механизмов, технологий, инструментов, методов и форм работы в контексте цифровой публичной политики. Эти задачи, выявленные в процессе нашего исследования, определяют горизонты и перспективы дальнейшего исследования онлайн-диалога власти и общества в сфере цифрового публичного пространства, политических коммуникаций и политического дискурса.

Библиография

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с..
2. Гаджиев Х. А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 2. С. 81-97. DOI:10.19181/nko.2022.28.2.7. EDN BIBKLF
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса о пользовании социальными сетями и мессенджерами в России (10 августа 2013 г.). <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (Дата обращения 04.10.2023).
4. Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в контексте нормативной модели диалогической демократии // *NB: Проблемы общества и политики*. 2014. № 7. С. 64-82.
5. Зайцев А. В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // *Вестник Костромского государственного университета*. 2013. № 1. С. 203-206.
6. Зайцев А. В. Диалогика Юргена Хабермаса: понятие и сущность // *NB: Философские исследования. Электронный журнал*. 2012. № 2. С. 75-98. DOI:10.7256/2306-0174.2012.2.148.
7. Казаков Ю. М. «Публичная сфера» Ю.Хабермаса: реализация в интернет-дискурсе // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2013. № 3 (31). С. 125-130.
8. Кузьменко О. В. Перспективы цифровой трансформации политической публичной сферы // *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2021. № 3 (39). С. 16-20.
9. Макаревич Э. Ф. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиа-влияния новой реальности // *PolitBook*. 2020. № 3. С. 98-119.
10. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. Пер. А. Смирнова. // *Логос*. 2004. №2 (42). С. 180–197.
11. Никитинская А. А. Интернет как современная площадка для реализации публичного // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2022. Т. 10, № 1. С. 107–115. DOI:10.21685/2307-9525-2022-10-1-12.
12. Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за период 1 января 2022 г. по 31 сентября 2022 г. <https://digital.gov.ru/uploaded/files/rejting.pdf> (Дата обращения: 04.10.2023 г.).
13. Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за период 1 января 2023 г. по 31марта 2023 г. <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/05/rejtingsubektovrfpovnedreniyupos20231kvartalred.pdf>. (Дата обращения: 04.10.2023 г.).

14. Соколов А.В., Исаева Е.А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 686–710. DOI:10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710
15. Соколов А.В., Цветков В.Ю., Прусов Д.А. Диалоговые платформы как способ взаимодействия между государством и обществом в России // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль, 2022. С. 190-194.
16. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. Перевод с нем. В.В. Иванова. М.: Изд-во «Весь мир». 2016. 344 с.
17. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Перевод с нем. Ю. С. Медведева. СПб.: Изд-во «Наука», 2001. 417 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Перевод с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Изд-во «Наука», 2001. 381 с.
19. Филатова О. Г. Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 180-192. DOI:10.22394/1726-1139-2019-11-180-192.
20. Шмидт К., Филиппов А. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и мемократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 6–16.
21. Enjolras, B., Steen-Johnsen, K. The Digital Transformation of the Political Public Sphere: A Sociological Perspective. In: K. Steen-Johnsen, F. Engelstad, H. Larsen et al. Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model. 2017. P. 105–113. Berlin/Boston: De Gruyter.
22. Santos, T., Louçã, J., Coelho, H. «The digital transformation of the public sphere»: Systems Research and Behavioral Science, Wiley Blackwell. 2019, vol. 36 (6). P. 778–788. November. DOI: 10.1002/sres.2644.
23. Staab, P., Thiel, T. Social Media and the Digital Structural Transformation of the Public Sphere. Theory, Culture and Society. 2022. 39 (4). P. 129–143.
24. Karatzogianni A., Nguyen D., Serafinelli Ex. (eds.). The Digital Transformation of the Public Sphere: Conflict, Migration, Crisis and Culture in Digital Networks. 2016. 437 p. Palgrave Macmillan UK. DOI: 10.1057/978-1-137-50456-2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена коммуникативным аспектам политической публичной сферы с учетом меняющихся реалий и цифровизации глобального социального пространства. Автор публикации берет за основу уже ставшей классической теорию публичного дискурса Юргена Хабермаса для осмысления процессов виртуализации публичной политической среды.

Во введении автор обосновывает актуальность классической теории дискурса, обоснованной в трудах теоретиков франкфуртской школы, для применения к анализу

Интернет-коммуникаций, и в этом смысле намечается некоторая тенденция синтеза подходов к анализу публичной сферы и электронных средств коммуникации. Вместе с тем, необходимо отметить, что многие теоретические работы остались за рамками даже упоминания - а именно труды М. Кастельса, Р. Дебре которые анализировали современное информационное общество и медиа коммуникации. Статья в принципе содержит в себе довольно неплохую методологическую базу, вместе с тем в содержательном отношении выглядит абсолютно сырой и не доработанной – о чем свидетельствует наличие лишь одного примера современного «диалога власти и общества» в случае с экологической проблемой в Костромской области. Автор лишь упоминает современные диалоговые платформы (сервисы по формированию гражданских петиций), однако не описывает и не раскрывает полностью их потенциал. Поскольку в статье отсутствует аппарат исследования – ключевая целевая установка, задачи, гипотезы, а также не описаны подробно методы, то она не соответствует предъявляемым требованиям к публикациям в изданиях Nota Bene. Тема онлайн диалога абсолютно не раскрыта, поскольку не проанализированы даже самые распространенные каналы коммуникации, такие как социальные сети, блоги и другие каналы распространения в том числе визуальной информации. Автору следует более детально погрузиться в исследуемую проблематику для того, чтобы сформировать ряд выводов, которые бы носили практическую значимость. В этом отношении рекомендуется проработать большее количество не только теоретической и фундаментальной литературы, но также обратиться к эмпирическим исследованиям – результатам мониторингов и замеров общественного мнения, социальным опросам и так далее. Научная часть публикации могла бы быть усилена за счет комплексного описания механизмов публичной сферы и онлайн-коммуникации между властью и гражданским обществом, в том числе за счет описания деятельности лидеров мнений. Наличие конкретных кейсов могло бы усилить практическую часть. Список литературы должен быть существенно расширен и дополнен. Также необходимо провести обстоятельный анализ степени разработанности указанной проблематики. В данном виде статья не может быть рекомендована к публикации. Несмотря на то, что автор явно владеет научным аппаратом, сам язык исследования достаточно хорош, материал должен быть дополнен за счет сильной эмпирической части.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья «Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества» посвящена достаточно актуальной теме цифровизации общественно-политических и социально-экономических процессов в современном государстве и обществе. Предметом исследования в рецензируемой статье стали актуальные вопросы и проблемы цифровой трансформации публичной сферы. Как справедливо отмечают авторы, офлайн-диалог подвергается глубокой модернизации, институционализируясь в контексте диджитальной публичной сферы в формате цифрового онлайн-диалога таких ведущих факторов публичной политики современной России, как государство и гражданское общество.

Анализ статьи показал ее положительные аспекты, связанные с оформлением и формированием авторского дизайна исследования.

В частности, в статье определены и предложены актуальность, цель исследования и его задачи. Авторами разработана гипотеза исследования, где подчёркивается, что идущие

трансформационные процессы вследствие внедрения цифровых технологий в систему взаимодействия общества и государства, подчёркивают отход от названной авторами статьи «аналоговой» модели публичной сферы в цифровую публичную сферу современного digital информационного социума.

Однако, именно в гипотезе исследования, как и по тексту статьи, считаем, что правильнее было бы использовать термин «диджитализированного» (от англ. digital) вместо «дигитализированного» (авторский термин) социума.

Статья структурирована и имеет введение, обзор, основную часть, заключение и библиографию.

Анализ библиографического списка показывает использование авторами статьи как научных источников, так и данных социологических исследований. При этом, следует отметить, что отдельные источники являются исследованиями десятилетней давности.

Статья содержит теоретическую часть, построенную на опорах на научные позиции известного немецкого ученого Юргена Хабермаса через призму современных процессов цифровых преобразований.

Рецензируемая статья содержит также и практическую часть исследования. В частности, в ней представлена авторская оценка аккаунтов Губернатора Костромской области С. К. Ситникова через призму возможности ведения диалога с населением и институтами гражданского общества.

В этой части исследования следует обратить внимание на употребление авторами термина «беглый анализ», который, как мы полагаем, является не совсем уместным для научной статьи, при подготовке которой используются вполне конкретные методы исследования, подходы и т.д.

В статье представлены данные социологических опросов, представлен рейтинг «ближайших соседей» Костромской области по динамике внедрения в повседневную практику различных технологий и механизмов платформ обратной связи и пр. Видится, что больший вес научной ценности статья приобрела бы в случае представления в ней рейтинга всех субъектов Российской Федерации, входящих в ЦФО.

Статья способна вызвать, тем не менее, профессиональный и читательский интерес.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая статья «Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества» может быть опубликована в искомом журнале, несмотря на отдельные замечания.